РЫЦАРИ ЗАКОЛДОВАННОГО ЗАМКА

«На Святках,— говорится в изданной сто лет назад книге об уездном Волоколамске,— в городе устраивается нечто вроде собраний, маскарадов. И молодежь ликует!»
На празднике раскрепощались люди всей душой. Да и как душе не распахнуться в общем веселье, в общей радости, словом, на гулянье. Ждали его загодя, а дождавшись — отдавались ему с размахом и удалью. Неожиданным талантом удивлял сосед соседа.
Как же надо постараться, чтобы столь естественную тягу к радости и внутренней свободе в человеке... убить.

● *Звонкой музыки и бойких переплясов в тот день было больше чем достаточно. Так одним махом, культурно «обслужили» целый город.*

ВОСТОРЖЕННЫЙ голос из репродуктора от наигранной радости то и дело давал петуха. «До чего же мы все славные и замечательные! И как же здорово умеем повеселиться!» — слышалось в его руладах.

Но зрители не веселились. Может быть, виной тому был ледяной ветер, из-за которого их лица с каждой минутой становились все более сизыми. Или они не могли взять в толк, с какой стати представление называется Праздником семьи, когда их старинный Волоколамск именно сегодня отмечает День города?

На площади гарцевал рыцарь Айвенго, сражался с ветряными мельницами Дон Кихот, размахивали шпагами мушкетеры. Их сменили кавалерист-девица и витязи с Черномором. В качестве гвоздя программы вывезли огромную фанерную бутыль на тележке. Видимо, она символизировала вред алкоголизма. Затем выступили с известными репризами два малоизвестных киноартиста...

Автор представления, режиссер из Москвы, привез для участия в нем целый курс студентов института культуры. Впрочем, и несколько десятков здешних учащихся нарядили во взятые напрокат сарафаны и косоворотки — они изображали массовку. Народ же, как, вероятно, и было задумано режиссером, безмолвствовал...

Отцы города, стоявшие дружной шеренгой на гранитной трибуне центральной площади, судя по их лицам, пребывали в чрезвычайном довольстве. Флаги, музыка и переплясы были налицо. А я все ждал, когда начнется главное, что должно сопутствовать празднику: пусть не ликование, но хотя бы радость; пусть не общий творческий взлет, но хотя бы соучастие. Не дождался. Происходившее определил бы словами «официальная фальшь». Почему праздник проводился именно поздней осенью, в студеный и ветреный день? Так решили городские власти. И если вы станете утверждать, что у людей надо прежде спрашивать, чего они хотят, а чего нет, то знайте: в описанном случае было совсем не так. Волоколамцев ткнули в праздник, как слепого котенка в блюдце с молоком.

Представление закончилось. Автобус с залетной командой укатил. Город опустел, словно вымер. А вопросы остались. Кому нужна официальная фальшь? И что с нею делать живым, нормальным людям?

ПРИСУТСТВИЕ тайны влекло меня сюда. Днем это было обычное учреждение. За дверьми кабинетов кипела работа. Симпатичные сотрудницы звонили по телефонам, принимали посетителей, давали указания, в перерыв пили чай и снова звонили, отдавали распоряжения и старательно заполняли бумаги. Вечером же контора превращалась в некий заколдованный замок. Двери открыты, а за ними гулкая тишина. Если вас интересует, почему не закрывались двери этого заведения по вечерам, отвечу: таково главное условие его существования. Дело в том, что речь идет о Доме культуры.

В первые дни меня подстегивал азарт охотника: казалось, вот-вот повезет, увижу многолюдье. Ну пусть не толпу, но хоть людей, идущих сюда. Вот тогда и спрошу, что их здесь привлекает.

Загодя узнал о вечере танцев из расклеенных по городу афиш. Пришел точно к девяти.

В девять пятнадцать солист объявил принужденно-радостным голосом:

— Вечер танцев!

Аплодисментов не последовало.

Спал, раскинувшись, в кресле у стены субъект в кроссовках. В дальнем углу белели фарфоровые личики двух девочек, сидящих локоток к локотку. Динамики разрывались. Минут через пятнадцать их рев перекрыл зычный голос женщины в халате:

— Сереж, мы все заперли. Уходим!

Шесть человек старательно работали на освещенной сцене. Музыка лилась в пустой зал. Суббота, девять тридцать вечера.

Было бы несправедливо утверждать, что в Доме культуры за то время, что я ходил туда, совсем не было веселья и многолюдья. Это, конечно, не так. Однако веселье не было многолюдным. А многолюдью не сопутствовало веселье. Многолюдным было, например, заседание сессии районного Совета. А веселым — выступление Геннадия Хазанова по телевизору. От входной двери было слышно, как на втором этаже раскатисто хохотал сидящий наедине с телевизором дежурный.

ВОЛОКОЛАМСКИЕ десятиклассники ответили по моей просьбе на анкету, в которой был и такой вопрос: «Часто ли бываете в Доме культуры и библиотеке?» Оказалось — почти не ходят.

И нетрудно понять, почему. Мало кому захочется проводить свободное время в конторе, от которой за версту разит канцелярским холодом. Где уж работнику Дома культуры быть радушным хозяином, когда он изнемогает над пропастью бумаг.

И библиотекарь тоже погряз в бумагах. Чтобы ощутить всепоглощающую маету, в которую погружены учреждения культуры, придется нам на мгновение в нее окунуться.

Библиотекарь каждый месяц заполняет отчет по семидесяти пунктам и еще текущие и перспективные планы. В обязательствах волоколамской централизованной библиотечной системы указано даже, сколько читателей будет здесь в 1990 году. Вам интересно знать? 35.321. Заметьте, не 35.320, даже не 35.325, а именно 35.321! Обозначено и сколько книг будет выдано (760,4 тысячи), и сколько раз посетят волоколамцы библиотеку (328.485 раз), известны и читаемость каждой книги, и ее обращаемость, и процент охвата населения.

Работники клубов пишут примерно то же самое. Только у них главные показатели — число мероприятий, кружков и количество их участников.

Из ручейков образуются полноводные реки. Из слабых дискантов — мощный хор. Обязательства Волоколамского района — это уже целая книжица, отпечатанная типографским способом. Она уверенно вещает солидным начальственным баском: «Провести в РДК не менее 380 мероприятий. Довести посещаемость мероприятий по РДК до 132 тысяч человек. Городским паркам культуры и отдыха довести количество мероприятий до 125... Работникам художественной мастерской оказать три практические помощи сельским клубам».

Если верить отчету Дома культуры, в прошлом году практически каждый житель Волоколамска, от стариков до грудных младенцев, посетил тематические вечера, устные журналы и диспуты. Каждые двое из трех жителей прослушали лекции и доклады, 58.700 побывали на вечерах отдыха, 4.200 — на спектаклях и концертах художественной самодеятельности. В самодеятельности участвовали 395 человек.

Что касается библиотеки, то в 1974 году в ней было 29.118 читателей, а в 1986 году — уже 33.997. В 1974 году выдали 505.484 книги, в 1986 году почти в полтора раза больше. Чувствую, у вас уже в глазах рябит, и вы хотите поскорее узнать, откуда берутся такие звонкие цифры. И у библиотекаря, и у клубного работника есть свои секреты. Числятся, скажем, в Доме культуры кружок по вокалу и кружок баяна. Их участников непременно запишут в отчетности дважды, поскольку и те, и другие, наверняка, участвуют еще и в совместных концертах. Вот вам и новый кружок — вокально-инструментальный, и новые участники самодеятельности. И все же не буду корить составителей отчетов за невинное лукавство. Способы ударной возгонки цифр — вполне легальные, определенные предписаниями свыше. А если начальство требует ударных цифр, оно их получит.

ФОРМУЛА, по которой действует руководящий учреждениями культуры аппарат, не нова и словно навечно отлита в бронзу: «Обслуживать массы!» Согласно ей, общество разделено на две неравные части. Одна часть — работники культуры, другая — те, кого они обслуживают. Праздник города, о котором шла речь вначале, довел этот принцип до абсурда. Обслужили скопом весь город, с гордостью отчитавшись за проведенное массовое мероприятие.

А теперь представьте себя на месте работника культуры. Вы умны, полны жизненных сил и работаете, скажем, в библиотеке. Вы прочли столько книг, что в состоянии отличить подлинную литературу от дешевой поделки. Вам по силам и человека распознать, даже если вы видите его первый раз.

Он спросит, чего бы ему почитать интересного, а вы ему: «Возьмите-ка новую книгу Можаева». Или Платонова посоветуете. Или Пикуля. И в каждом случае будет попадание в точку. Ведь вы к тому же и психолог.

Вы настолько любите книги, что можете приохотить к чтению малышей и привить им страсть к чтению, которая будет сопровождать их до самой старости. В этом вы видите свое предназначение. Примерно так могла бы рассуждать Людмила Сергеева или ее коллеги, работники Волоколамской районной библиотеки.

А вместо этого они погружены в маету цифр. Вместо этого, повинуясь призыву «Книгу в массы!», набивают книгами рюкзаки и, словно книгоноши двадцатых годов, идут на завод или ферму, хотя работникам завода и фермы гораздо проще прийти в библиотеку самим. А то еще «высоковольтным» звонком сверху их заставляют экстренно готовить литературно-музыкальную композицию к очередной торжественной дате или обязывают читать лекцию по теме, весьма от их занятий далекой.

...Очередной проверяющий недавно с места в карьер потребовал предъявить картотеку пьющих читателей. Библиотекарь ошарашенно переспросила:

— Вы не ошиблись? Здесь не наркологический диспансер!

— Но ведь к вам приходит население! — напирал проверяющий.

— Так ведь в библиотеку-то не пьяные приходят. Не могу же я спрашивать у каждого, пьет он или нет.

— Как же вы в таком случае ведете с ними индивидуальную борьбу? И каким образом собираетесь выполнять план по антиалкогольной пропаганде? — хмуро поинтересовалось официальное лицо.

Почему не сбросят работники культуры ярмо? Почему не станут делать то, на что способны, то, что подсказывают совесть и профессиональное чутье? А потому, прежде всего, что оценивают их деятельность по количеству мероприятий и числу участников, то есть все по тому же пресловутому валу. Не справился, не обеспечил прироста цифр — ищи другую работу. Куда уволенному в том же Волоколамске деваться? Вот и изнемогают на галерах, вымучивают работу, которая самим же кажется бессмысленной.

Вдумаемся в социальную суть происходящего. В стране миллионы работников клубов и библиотек. И в большинстве своем они закабалены существующим порядком.

А запустение учреждений культуры между тем усиливается. По наблюдениям социологов, уменьшается число посетителей музеев, кинотеатров, библиотек, клубов. Снижается удельный вес этих учреждений в жизни людей. Наши соотечественники отдают им 7—8 процентов свободного времени.

Кому выгодно? Административно-приказной системе, и только ей. Это она сделала учреждения культуры кирпичами своего фундамента. Это она связала работников культуры по рукам и ногам. Чиновнику, повелевающему заколдованными замками, претит свобода проявления творческого начала в человеке. Самостоятельная и самодеятельная личность из системы выламывается. Поэтому чиновник — за регламентацию. Работник культуры, до мелочей подотчетный высшим инстанциям, быть может, и лишен возможности участвовать в создании истинной культуры, зато прекрасно управляем и потому идеально подходит системе.

Итак, одни (их большинство) не могут реализовать потребность в общении и творчестве. Другие не могут реализовать себя в деле, и вдобавок подкрашивают яркими красками холодные, негреющие очаги вроде того, что был нарисован на холсте в каморке папы Карло.

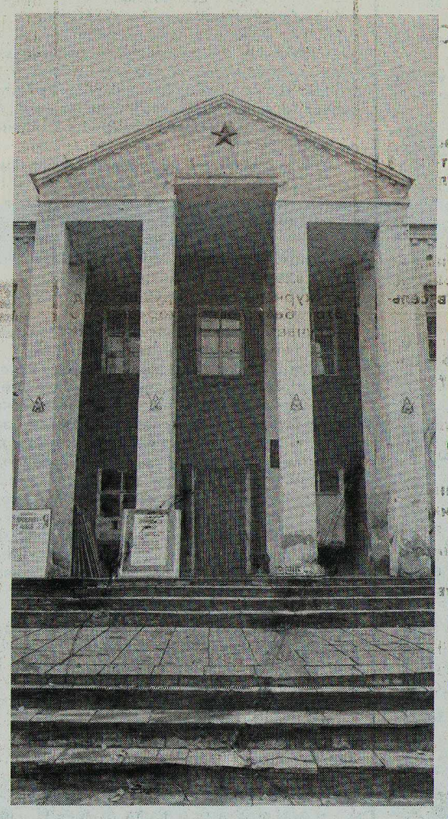
Впрочем, хоть очаг в каморке папы Карло и не давал тепла — зато за ним была маленькая дверца...

ПОЗНАКОМЛЮ вас с одаренным режиссером, творческая жизнь которого на взлете оборвалась. А также с удачливым кооператором. Режиссер мечтал превратить Волоколамск в город театралов, новый Паневежис. Для этого задумал создать центр эстетического воспитания театром. Но городские руководители эту идею не поддержали. И в итоге обладателю многих профессиональных наград, лауреату фестивалей и конкурсов пришлось довольствоваться скромным местом заведующего сельским клубом. Кооператор, напротив, был удачлив: обладая завидной энергией и светлой головой, он в первый же год создания кооператива довел его оборот до ста тысяч рублей. Кооператив показывал свою продукцию на ВДНХ, стал знаменит, вышел на столичный и зарубежный рынки. Как вы уже догадались, речь идет об одном человеке.

— В Волоколамске много людей, которые никогда не были в театре. Уж, наверное, древние эллины, пускавшие рабов на спектакли, не были дураками,— убеждал Михаил Терешкин городских руководителей.— Гарантирую, что пять—семь тысяч волоколамцев через несколько лет станут театралами. А значит, вырастут духовно.

Был он напорист, резок, красноречив. Не юноша — тридцатипятилетний зрелый режиссер.

Мысль его была такая. В центре эстетического воспитания будут заниматься три тысячи юных волоколамцев. Они станут осваивать профессии портных и модельеров, декораторов и резчиков по дереву, чеканщиков и звукооформителей, художников по свету и музыкантов, актеров и режиссеров. И еще массу других профессий. А все вместе будут делать один спектакль. У создателей спектакля, рассуждал Терешкин, есть папы и мамы, дедушки и бабушки, дяди и тети. Они, конечно же, тоже захотят его посмотреть. Вот и еще несколько тысяч зрителей.



● *Безлюдье и гулкая тишина — непременные атрибуты любого сколько-нибудь приличного заколдованного замка.*

Центр, объединяющий тысячи участников одной сверхзадачей. Клуб, независимый от отдела культуры. Клуб на хозрасчете. Клуб, сфера влияния которого простирается на весь город. Красивая идея.

До приезда в Волоколамск Терешкин руководил известной театральной студией «Парус», о которой писала и «Советская культура». Его спектакли всегда были событием. И здесь, в районном Доме культуры, пока он создавал по своей пьесе спектакль «Дважды казненные», родилась молодежная труппа, человек шестьдесят — своего рода клуб в стенах Дома культуры. Участники спектакля стали лауреатами Всесоюзного фестиваля народного творчества, о нем написали газеты, отрывки показали по телевидению.

А он продолжал рваться из наезженной колеи, пробивал свои идеи, спорил с начальством — короче, вскоре после премьеры того спектакля он на своем месте уже не работал. Некий чиновник, ссылаясь на инструкцию, по которой режиссер народного театра не может быть совместителем (а Терешкин был совместителем), указал ему на дверь. Так он оказался заведующим сельским клубом в нескольких километрах от города. Коллектив, осуществивший постановку «Дважды казненных», благополучно распался. Идея эстетического центра столь же закономерно увяла. «Это дело далекого будущего!» — сказали Терешкину в горкоме.

В заколдованном замке не любят возмутителей спокойствия. Человека, который в приказную систему не вписывается, она отторгает. Незаурядной личности предпочитает исполнителя. А этот еще и задумал кирпич из ее основания вытащить, решил создать центр, не подотчетный ей, системе! Ну можно ли, рассудите, такое допустить!

Как-то раз, уже работая в селе, Терешкин зашел в оформительскую мастерскую и видит: художник, высунув язык от усердия, пишет: «Слава КПСС!» А на стене висит вырезанная из дерева фигурка красоты необыкновенной. «Ты сделал? А еще можешь?» «Могу!» Так родился кооператив «Ладья», выполняющий всякую художественно-оформительскую работу — от сувениров до отделки интерьера детских садов. В одном из спектаклей Терешкина по пьесе А. Володина «Две стрелы» был пластический образ: полулюди на полусогнутых. По ходу пьесы то один, то другой распрямляли спины, обретая человеческий облик. Так и единомышленники Михаила разогнулись, обрели достоинство, выразив себя в деле. Работы кооператива, как я уже сказал, на высочайшем уровне. Но главный его продукт — творчество и общение. Двадцать человек. В свободное время — вместе. Случись у кого день рождения, покупают подарок, а то и вместе этот день отмечают. Как хотите, а я считаю, что центр эстетического воспитания Терешкин все-таки создал. Только в нем не три тысячи человек, а двадцать. «Ладья» — прежде всего клуб друзей, единомышленников, спаянных общим интересом. И горит очаг культуры под крышей кооперативной мастерской ровным и ясным пламенем.

А ТЕПЕРЬ приглашаю вас в Теряеву слободу, где над гладью вод стоит Иосифо-Волоколамский монастырь — памятник архитектуры высокого европейского достоинства.

Толстые каменные стены. Грубо сколоченные лавки и стол. И тесная компания молодых мужчин в грубых свитерах. Они пьют круто заваренный чай из эмалированных кружек, грызут печенье и ведут долгие разговоры. О чем говорят эти странные симпатичные люди? О здешних прудах и обитающих на них птицах. О речке Сестре. О старинной дамбе. О природе вокруг монастыря и самом монастыре. Тридцатилетний бородач, похожий на ушкуйника былых времен,— старший научный сотрудник здешнего музея Михаил Ковылов. По образованию биолог. А к тому же мастер на все руки — фотограф, рисовальщик, может делать и плотницкую, и столярную работу. Лицо его излучает спокойную уверенность. Держится просто, говорит смело.

Душа его болит о здешней природе. До недавнего времени человек и природная среда уживались здесь хорошо. Но рыболовов и туристов прибавилось. Приезжие вытаптывают камыш, выламывают деревья. Разрушают колесами автомашин старую дамбу. И природа отступает. Ушли большая выпь и малая выпь. Не стало лысух. Если так дело пойдет — и другие редкие виды птиц исчезнут. Надо природу спасать!

Он написал об этом в районной газете. Обратился в районное отделение Общества охраны природы. Никакого результата. Тогда стал писать плакаты: «Товарищи автомобилисты! Ваше дальнейшее продвижение по дамбе наносит ущерб дамбе Гурьевского пруда, насыпанной в 1530 году при игумене Гурии». Пытался говорить с рыболовами и автомобилистами.

Может ли хороший человек в одиночку биться, как рыба об лед, на глазах других хороших людей? И образовался круг единомышленников. Среди них и местные жители, и студенты из Москвы, приезжающие на выходные. Александр учится в педагогическом институте. Владимир — на биофаке университета. Вместе теперь пишут плакаты, расчищают завалы мусора. Словом, нечто вроде общества ревнителей исторического памятника образовалось.

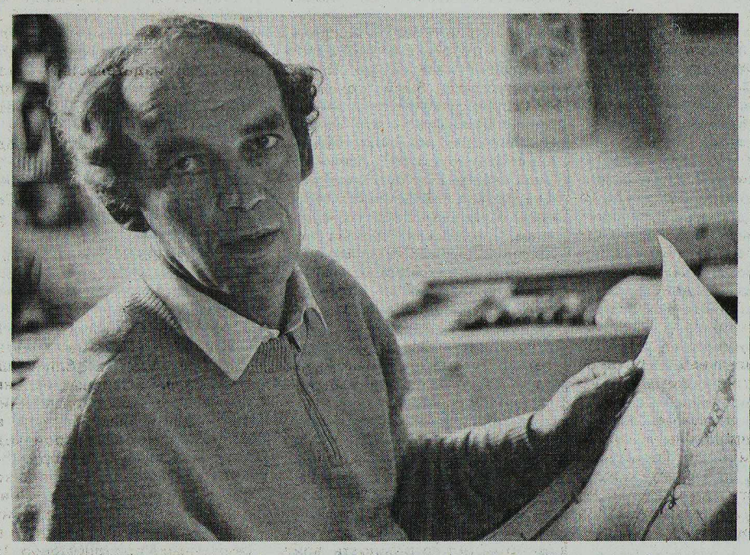
Наблюдал я, с каким старанием один из них, экскаваторщик, чистил в свободное время монастырский пруд. Что будет дальше? На выходные приедут ребята из Москвы — разровняют берег лопатами. Тут уже технике не место, ручная работа требуется. Трудиться будут до темноты. Потом Михаил задаст корма всеобщей любимице — кобыле Миле, принадлежащей музею. Возможно проедет рысцой вдоль древних стен, чем удивит припозднившихся туристов. Потом они будут долго сидеть за чаем в комнате с толстыми каменными стенами и говорить о том, что им дорого, — о здешней природе, об истории. О том, как помочь восстановить монастырские строения. Ведь не дело же, что за тридцать два года реставрации ни одна постройка, ни одно помещение не доведены до ума...

Пытаюсь представить, как выглядело бы то, о чем я рассказал, в отчете. Может быть, так: цикл лекций об экологии, истории и культуре родного края; занятия кружка столярного дела, изостудии, фотостудии [illegible] рантов, надписей, фотограф[illegible] птиц). Вечера отдыха молодежи [illegible] после работы). В общем, программа Дома к[illegible]туры набегает. А как с охватом? Посеща[illegible]стью? Заполняемостью? С процентным со[illegible]шением студентов, колхозников, служа[illegible] Думаю, лучшего способа уничтожить стихи[illegible] общество ревнителей Иосифо-Волоколамс[illegible] монастыря придумать нельзя. Озадачить р[illegible] такой вот цифирью — очаг тут же начнет [illegible]тить и тлеть.

ПОРА переходить к выводам. Главный [illegible]них звучит так. Есть только один спос[illegible] освободить культуру от регламентирующих [illegible]пут. Культуре нужна свобода — свобод[illegible] проявления творческого начала в человек[illegible] А потому не чиновнику из заколдованного зам[illegible]ка, не директору Дома культуры и не уборщи[illegible]це тете Паше должны подчиняться живые куль[illegible]турные группы, а самим себе. Органы само[illegible]управления таких групп, которым реально, [illegible] а не на бумаге подчинены директора домов [illegible] культуры, библиотек, кинотеатров,— вот что [illegible] нужно сейчас. Тогда клубы станут не учрежде[illegible]ниями, обслуживающими людей, а объедин[illegible]ниями людей. Превратятся в очаги общени[illegible] очаги творчества. Вряд ли кто вспомнит тог[illegible] о заколдованных замках.

И. МЕДОВОЙ

Фото авто[illegible]



● *Михаил Терешкин: «А между тем многие волоколамцы никогда не были в театре...»*

● *Михаил Ковылов: «Природу и памятники надо спасать!»*

(Продолжение. Начало в номере за 7 января с. г.).